

КУЛЬТУРА -1992.-29авг.-с. 8.

Состоялся последний акт драмы известного Молодежного театра в Риге. Министерство культуры Латвии ликвидировало его. Могут сказать — реорганизовало. Осенью возникнет новый театр — «Новый». Без признанного лидера Адольфа Шапиро, без ряда ведущих актеров. Без русской труппы. Часть ее актеров уже покинула Латвию.

Наш специальный корреспондент побывал в Риге. Состоялась его встреча с бывшим художественным руководителем. Речь шла о морально-этическом аспекте произошедшего. Разговор представляется нам тем более важным, что разрушение театра учинили те, кто внушал нравственные надежды в начале перестройки.

Мы, пожалуй, уже привыкли к виду руин — нас приучили спокойно воспринимать провалившиеся крыши, безстеклые окна, сорванные двери — и центр Москвы, и петербургские набережные. Но, может быть, потому, что над разрушающимися стропилами чердака висит хоть и неподвижный, но все-таки кран, а двери и окна заставлены дощатыми щитами — верится: восстановим бытую красоту, придет время.

Но есть руины и... руины, в возрождение которых поверить трудно. Ибо их покинул уже самый дух жизни. Поскольку строение не само разрушалось, его осмысленно крушили.

Что вы скажете, к примеру, об опечатанном театре? Полутемные фойе, мрачные пыльные гардеробы, заклеенные узкими бумажками со штампами двери. А ведь недавно здесь была жизнь, да какая деятельная, результативная!

— Ну что ж, очевидно, вы последний, кого я принимаю в этом кабинете, — сказал мне Адольф Шапиро, народный артист Латвии, бывший главный режиссер Молодежного театра. — Забираю последние фотографии М. Кнебель и М. Чехова со стены — и все!

Мы сели в кресла, решив поразмыслить и подвести некоторые итоги случившегося. Крушение коллектива, известного во всех уголках театрального мира, — явление отнюдь не рядовое. Группа с улицы Лачплеша в Риге гастролировала не только в Москве и Петербурге, но только в крупных городах СНГ. Ее с радостью принимали сценические площадки за океаном и в Европе. Адольф Яковлевич — президент Международной ассоциации детских и юношеских театров (АССИТЕЖ). В Латвийской энциклопедии, изданной, впрочем, в 1985 году, упоминается 12 удачных спектаклей Шапиро по произведениям Ф. Достоевского, Б. Брехта, Я. Райниса, В. Розова, Г. Приеде.

— И знаете, что примечательно? — продолжает бывший хозяин кабинета (дверь нам пришлось распечатать). — В этих стенах я появился ровно 30 лет назад, в августе 1962-го. А с 1964-го я тут был главным режиссером. Четверть века... Редко кому удавалось больше. Ну а если иметь в виду двуязычие театра, специфические нагрузки, то, ей-богу, есть что вспомнить!

Да, есть. При этом важно отметить, что Адольф Яковлевич образца 92-го года мало отличается от Шапиро 62-го. Разве что в лучшую сторону. Подтянут, точен в речи, в движениях. Я говорю ему об этом.

— Ну не хватало еще и распутиться. Поверьте, было очень тяжело, но это не причина для паники. И, кроме того, во всей этой истории много поучительного и интересного. Последнее время, когда все определилось, я испытываю не только чувства действующего лица, но и зрительские эмоции. Сейчас занавес идет вниз, скоро погаснет свет.

— Так что, произведем разбор действия?

— Да, пожалуй, время подходит.

— Тогда ваше слово.

— Нынешняя история началась в Харькове, где мне удалось организовать молодежную студию. Как и положено, мы были задиристы, нам попадало от местного начальства, помогали москвичи — М. О. Кнебель, у которой я совер-

шенствовался на курсах, О. Ефремов, питавший слабость к студийцам. Наши спектакли увидели рижские тюзовцы, и их директор — мудрый и мужественный Станислав Янович Гудзук пригласил меня на постановку. Столь же лестное предложение получил от Николая Павловича Акимова. Поехал в Ленинград и заехал в Ригу. На 30 лет.

Театр, основанный, к слову, в 1941 году, переживал не лучшие времена. Один из его основателей — Б. И. Праудин — отошел в мир иной, П. Хомского призвали в Рижский театр русской драмы. Требовался капитан. Гудзук решил поставить на молодого, едва вставшего на крыло. Решающим же для меня было приглашение из Харькова некоторых актеров студии — Людми-

людей, ваше искусство бросало вызов стагнационным процессам, признавалось полезным целям различных группировок. Ну а теперь! Зачем этот прекрасно сосуществующий двуязычный симбиоз? Не вызов ли он сам по себе? И возможное инакомыслие коллектива, когда сегодня здесь требуется нечто национально-центростремительное? И, наконец, сама известность, высокий вкус, повышающие вашу конкурентоспособность на нынешнем рынке зрительских симпатий.

— Может быть, и так. Но признательность оставила отнюдь не всех моих латышских коллег. Правда, ветеран нашей сцены Вера Сингаевская одобрила ликвидацию коллектива. Она согласна с Р. Паулсом: в Латвии может быть только

...НА ПОКЛОН НЕ ВЫШЛИ ДИАЛОГ В ОПЕЧАТАННОМ ТЕАТРЕ

лы Шевченко, Виктора Плютта и некоторых других. Словом, все мы стали рижанами...

— А нынче — мигрантами!

— Да, но тогда бы это прозвучало как злостная нелепость. На местное древо не боялись прививать плодоносящие ростки.

— И тогда всякие люди попадались. Тут дело в неординарности и смелости Станислава Яновича. Ведь он войну прошел. Кстати, как сложилась его судьба?

— Он директорствовал почти все время нашего сотрудничества. В последний период и директором, и художественным руководителем был я. Он — заместителем. Несколько дней назад директором назначен машинист сцены. Он, очевидно, «согласно указаниям» и опечатал театр. Гудзука ожидает пенсия.

— Скажите, ожидали ль вы подобного финала?

— Нет.

— Но ведь было достаточно признаков надвигающейся катастрофы — разве дискуссия о гражданстве, закон о языке, активизация экстремистов не предуготовили вас к решению властей о Молодежном театре?

— Ну, видите ли, верить хочется всегда, даже в самом отчаянном. Даже, когда все рушится. Вспомнивая Яна Райниса, я, конечно, знал, что:

Их, те сердца, не опалить волненьем,

Как не увлечь костром угрюмый лед,

Как зиму не развеять весноньем;

Их даже пламень солнца не берет.

Лишь в молодых ветвах продлится род.

Так вот, мы ощущали себя той «молодой ветвью», на которую не может опуститься топор. Поясню, как я понимал ситуацию.

Мы всегда чувствовали себя нужными Латвии. Судьба театра была непростой в силу его, простите за «старые слова», идейной направленности. Мы воспитывали активного человека, личность; мы с нашим постоянным обращением к яркой и острой литературе были противоположны застою. Известность, обретенная за годы напряженного труда, казалось, прибавляла культуре этого государства. В этом смысле мы и ощущали себя «зеленой ветвью», способной плодоносить.

— И... рассчитывали на признательность?

— Да, это, конечно, очень по-актерски, наивно, что ли... Впрочем, министр культуры Р. Паулс заявил, что я достаточно долго «пользовался благами Латвии».

— А не кажется вам, что роль вашего театра переосмыслена по-другому в ныне предлагаемых обстоятельствах? Раньше вы, согласитесь, в определенном смысле будоражили внутреннюю жизнь

один русский театр, его задача — популяризация латышской драматургии. Но ее более молодые коллеги не согласны с подобным умалением — они решительно протестуют против разорения уникального творческого организма. Я горжусь твердостью замечательной актрисы Арты Зайце, талантливых и совестливых Лиги Видениеце, Арниса Лицитиса. Они не пойдут на компромисс, им дорог и пройденный сообществом путь, и будущее они видят не так, как министерские чиновники.

— Простите, но, очевидно, какие-то претензии сформулированы и лично вам?

— Да. Долго работаю над пьесами... Часто езжу... Являюсь диктатором... Гублю народные таланты... Примерно в этом роде.

— А знаете, могу вас поздравить. Это звучит парафразом приказов и проработочных статей 30—40-х годов. Вы бронзовеете!

— Да, параллели напрашиваются. Наверное, именно это взволновало моих коллег за пределами Латвии. Ну подумайте: почти все председатели СТД бывших республик обратились к руководству Латвии с просьбой не разрушать театр. Рядом стояли подписи представителей Армении и Азербайджана. К Председателю Верховного Совета Латвии обратились 190 видных мастеров культуры. В их числе Екатерина Максимова, Олег Ефремов, Роберт Стурга, Андрей Петров, Лесь Танюк, Марк Захаров, Олег Басилашвили, Иннокентий Смоктуновский...

— И что же?

— А ничего. Им не ответили.

— Раньше, пожалуй, это было невозможно?

— Об этом говорить не будем. Но, в принципе, если проследить все перипетии борьбы — в них много нажитых в прошлые годы номенклатурных приемов. Дурное семя тут дало плоды.

— Что же дальше? Извините за этот вопрос.

— А мне его задают ежедневно, на разных языках. На английском, на немецком, на испанском... Приглашают в Москву, Петербург. Я, пожалуй, начну с того, где остановился в августе 1962-го. Поеду «на берега Невы». Кирилл Лавров пригласил ставить в БДТ. Пьесу назову в сентябре. Потом в Лондоне «Вишневый сад». Со «звездами» английской сцены. Затем... Карлос Хименес зовет в Каракас. Колеблюсь пока.

— Но ведь это все «разовые», как говорится, постановки.

— Я не хочу себя связывать в этом сезоне. Осмотрюсь. Вернусь в Ригу, увижу, как тут ребята...

Беседу вел Олег ИВАНОВ.